

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТИЛЕТ

1

Дувр, Англия

Сильные, красивые женские руки поспешно разорвали конверт, и ветер тут же унес его.

Кэтрин прочитала несколько строк, на секунду подняла голову, поправила шлейф синей амазонки, сдвинула брови и снова погрузилась в чтение письма. Порыв ветра пронесся над темно-зеленой травой высокого мелового берега, растрепал гриву вороного коня по кличке Баярд и умчался к морю, катившему вниз серые волны в белых барашках пены.

«Дорогая Кэтрин, я не знаю, когда найдет тебя это письмо. Я отправляю его с оказией, поручаю заботам капитана нашего военного судна, встреченного мной по пути в Татарию. Дело, которому я посвятил лучшие годы своей жизни, входит в самую решительную фазу. Ты хорошо знаешь, что от его успеха зависит вся наша будущность. Сейчас или никогда! Кэтрин, я верю, что Бог не оставит нас».

Новый порыв ветра выхватил письмо из рук девушки, оставил маленький уголок бумаги между ее большим и указательным пальцами. Он подбросил листок и тут же снес его под обрыв, к морю.

Кэтрин свистнула, и Баярд широкой иноходью помчался к хозяйке. Он еще не успел остановиться, как она взлетела в седло, дала шенкеля и понеслась вниз по склону.

Кэтрин ни на минуту не опустила голову, пытаясь удержать взглядом белый лист письма. Ее руки словно сами по себе умело направляли движение коня там, где это было необходимо.

Она выскочила на пляж и резко осадил Баярда. Письмо уже летело высоко над морем. Досада на мгновение перекосила энергичное лицо девушки. Кэтрин подняла Баярда на дыбы и снова с диким криком бросила его в галоп по самой кромке прибоя.

Черкесский аул, Кавказ

На дне земляной тюрьмы лежала большая охапка гнилой соломы. Федор Чиж сидел на ней и наигрывал на самодельной скрипке шемящий старинный мотив.

Немногочисленные ноты простой мелодии то собирались вместе, то разлетались куда-то далеко. Это была песня про любовь, та самая, от которой разом закипает кровь и нет никому спасения.

Чиж вроде бы был полностью поглощен своим делом, но его полузакрытые глаза отчетливо увидели тень, мелькнувшую на стене зиндана. Он оборвал мотив и поднял голову к солнечному кругу.

По стене снова прошла тень, и к ногам Чижа упал конец веревки. От неожиданности он замер, потом осторожно подергал за нее и убедился в том, что она держалась крепко.

— Чего ждешь? — спросила девушка на черкесском языке и снова мелькнула у края зиндана как встревоженная птица.

Чиж вскочил на ноги, еще раз дернул за веревку, подвязал на пояс скрипку и быстро полез вверх, раскачиваясь и опираясь ногами в каменистые стенки узилища.

Веревка была привязана к двери амбара, стоявшего на краю аула. Глинобитные сакли этого селения укрывались плетеными изгородями, лепились по склону горы, расходились тремя узкими улицами в разные стороны. У конюязи, устроенной рядом с самым богатым и большим домом, перебирали копытами несколько лошадей. Чиж сразу заметил, что две из них были оседланы не так, как это делают черкесы.

Он мгновенно осмотрелся и увидел у изгороди молодую черкешенку. Представительницы этого народа славились своей красотой на весь Кавказ, но та девушка, которая сейчас стояла перед Чижом, гордо выпрямившись и глядя ему прямо в глаза, была просто ослепительна.

— Спасибо, сестра! — сказал Чиж на ее родном языке и поклонился ей в ноги.

— Беги, Иван! Ты хорошо играл. Как замиремся, приходи еще.

— Да исполнятся все желания твоей души! Как зовут тебя?

— Маликат.

— Я не забуду твоего имени! — сказал Чиж, еще раз поклонился, перепрыгнул через изгородь рядом с Маликат и мигом растворился в высокой траве за саклями.

Федор Чиж был пластун, потомок запорожских казаков, переселенных Екатериной Великой на Кубань. Они сразу оценили все преимущества одежды и оружия местного населения и за полвека соседства с горцами стали почти неотличимы от них. Это, конечно, не касалось их чисто славянских лиц и родной речи. В бесконечных военных столкновениях обе стороны охотно перенимали и боевые приемы друг друга.

Пластуны выростали в плавнях, заболоченных притоках реки Кубань, которые являлись естественной гра-

ницей их земель. Здесь они с детства учились бесшумно передвигаться, стрелять на звук в свирепых кабанов, переполнявших заросли высоченного камыша, уходить от подранков, не бояться гнуса и жары летом, промозглого холода зимой. Эти навыки передавались от отца к сыну и постоянно использовались в настоящей боевой работе.

Чиж обходил аул по задам, двигался бесшумно, прямо как большая кошка. Изредка он замирал, реагировал на малейший оттенок звука, который мог нести в себе опасность.

Неожиданно казак увидел то, что заставило его распластаться на земле. На крыше той самой большой сакли, у которой потряхивали богатыми уздечками лошади гостей, приехавших в аул, лежал человек. В руке у него был зажат кинжал, лезвие которого прикрывал широкий рукав черкески, чтобы предательский солнечный луч не блеснул на нем и не выдал охотника. Лицо человека было вымазано чем-то коричневым, сзади за поясом из полотняной кобуры торчала изогнутая ручка персидского пистолета.

Увидеть этого воина, приготовившегося к нападению, можно было, пожалуй, только с одной точки, расположенной в стороне от аула, где и оказался Чиж. Но все равно это была ошибка, причина которой заключалась в недостатке опыта.

Был ли это пластун или кавказец, явившийся сюда, чтобы взять долг крови, понять отсюда было трудно. Чиж только покачал головой и подумал, не объелся ли белены этот герой, который полез на такое дело среди белого дня. Что это все-таки за лошади со странными седлами? Чиж никак не мог припомнить, видел ли когда-нибудь такие.

Теперь он заметил и часового. Тот стоял у сакли, напротив того места, где какой-то человек караулил на крыше свою жертву.

В это время дверь сакли отворилась, и из нее вышел черкесский воин. Кроме кинжала все его оружие, видимо, осталось в кунацкой, то есть комнате для приема гостей. Там уже было шумно. Гул голосов на мгновение пропустила хлопнувшая дверь. Человек на крыше бесшумно передвинулся и приготовился к прыжку.

Чиж теперь видел и движение часового, который решил обойти саклю. Казак даже приподнялся, чтобы посмотреть на развязку этого дела. Все это ему было на руку потому, что назревала история, в которой до него, Федора Чижа, никому не было бы никакого дела.

В тот момент, когда черкес стал развязывать мотню на штанах, человек спрыгнул с крыши. Федор увидел, как его кинжал вошел за ключицу воину по самую рукоятку еще в тот момент, когда он только падал на землю. Убийца еще в прыжке успел зажать черкесу рот и покати́лся с ним на землю, так что часовой, находившийся уже шагах в двадцати от места событий, за углом сакли, ничего не услышал. Человек с крыши что-то быстро срезал с руки черкеса, поднял голову и прислушался.

Чиж наконец-то рассмотрел черты его лица, огляделся, но не нашел ничего подходящего, сорвал с пояса скрипку и кинул ее в сторону часового. Она ударилась о камень у него за спиной, жалобно тренькнула всеми струнами и отскочила в кусты. Часовой остановился, обернулся, с удивлением посмотрел по сторонам, но ничего не заметил.

В это время человек с крыши выскочил из-за сакли и побежал вниз по склону. Ему не хватило всего несколь-

ких шагов, чтобы уйти из поля зрения часового, который повернулся обратно и все-таки заметил его краем глаза.

Часовой мгновенно вскинул винтовку, приложился и выстрелил. С головы человека, напавшего на черкеса, слетела папаха, сам он опрокинулся, но тут же вскочил и бросился дальше, вниз по склону.

Чиж подался в противоположную сторону и исчез.

На выстрел из сакли выскочили люди. Первым был воин огромного роста с длинным кинжалом в руке. Часовой подбежал к нему, указал на труп и ткнул рукой в ту сторону, куда убежал убийца. Здоровяк склонился над покойником и приподнял его правую руку. На месте большого пальца зияла кровоточащая рана.

Воина, сейчас державшего в своей ладони жертву человека с крыши, звали Али. На его большом пальце было видно массивное медное кольцо, почти вросшее в плоть. Видимо, за таким же и приходил убийца.

Али выпрямился и сказал воинам, обступившим его:

— Это русский. Из пластунов. Он пойдет к плавням!

Черкесы уже разгоняли лошадей и прыгали в седла, когда из сакли вышел черкесский князь, господин этих мест. За ним держался стройный европеец с льдистыми голубыми глазами.

Проводив взглядом погоню, он обернулся к князю и очень чисто сказал по-черкесски:

— Пусть Бог повернется к вашим делам правой стороной!

Европеец вскочил в седло и направил коня в сторону, противоположную той, куда с гиканьем и свистом умчалась погоня. В его прозрачных глазах светилась радость, бесконечная, как небо.

Черкесская погоня рассыпалась по склонам, преследовала беглеца, отсекала его от плавней. Время от

времени Али поднимал руку. Тогда все останавливались и прислушивались, но, кроме шелеста деревьев и недалекого кваканья лягушек, ничего не могли разоб-
раться.

Человек с крыши, которому при ближайшем рассмотрении нельзя было дать больше шестнадцати лет, уходил от черкесов быстро и бесшумно, просачивался между кустами и деревьями. Ногу он ставил с пятки на носок и мгновенно переносил вес тела, если под ступню попадала сухая ветка. Человека этого звали Яков. Он был единственным сыном есаула казачьего кубанского войска Григория Били.

Яков выскочил к небольшому озерцу и в ужасе замер. Лягушачий хор при его приближении начал заметно затихать.

На другой стороне озера, на склоне горы Али и его люди сразу остановили коней. Али поднял руку и прислушался. Хор лягушек явно становился все слабей.

Яков замер и вдруг издал мастерское кваканье. Лягушачий хор радостно возобновил свои песни, но было уже поздно. Опытное ухо Али уловило этот перебой, и черкесы пустили коней, стали обходить озеро с обеих сторон.

Лошадиное копыто сбило росу с травы, едва не задев Чижа, который лежал на боку под кустами и доплетал из коры некое подобие веревки. Он пропустил всадника, вскочил на ноги и бросился по гребню склона ему наперез. Чиж выбрал нужную точку, прыгнул на круп лошади черкеса, накинул ему на шею веревку и мгновенно задушил его. Казак сбросил всадника с седла и помчался вслед за остальными черкесами.

Яков уже слышал слева и справа от себя треск кустов, сминаемых черкесскими всадниками, когда перед

ним открылась небольшая поляна. Примерно в версте за ней в просветах между деревьями блеснула излучина Кубани. Опытный пластун никогда не рискнул бы в такой ситуации выскочить на открытое пространство, но Якову было всего шестнадцать лет, и он решил, что успеет.

Парень сделал рывок по высокой росистой траве, оставляя за собой серебристую примятую дорожку. С обеих сторон поляны тут же показались черкесы, и над их головами зажужжали узкие полоски шашек.

Теперь Якову оставалось только дорого продать свою жизнь. Он встал на колени, выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в ближайшего всадника. Черкес тяжело покачнулся и рухнул на траву.

Яков выхватил кинжал и бросился к краю поляны, стараясь любой ценой уйти с открытого пространства. Всадники были уже рядом. Мелькнула шашка, удар которой, нанесенный опытной рукой, легко разрубал человеческое тело наискосок.

Яков неувлимым движением ушел от атаки, прокатился по земле и оказался под лошадь, наскочившей на него. Он по самую рукоятку всадил кинжал под седло и срезал подпругу. Этот удар когда-то показал ему отец. Лошадь даже не заржала, а издала почти человеческий вопль отчаяния и боли. Она сначала встала на дыбы, а затем рухнула на колени и стряхнула в траву своего седока.

Яков едва успел проскочить под ней и снова нарвался на удар. На этот раз шашка чуть зацепила кожу на его плече. Бежать парню больше было некуда.

Всадники кружили вокруг него и по команде Али убрали шашки. Вдруг один из них дернулся. Его лошадь испугалась агонии той, которую убил Яков.

Яков мгновенно сделал движение в сторону свободного пространства, открывшегося для него, но оттуда на него уже несся еще один черкес, видимо, отставший от погони. Этот всадник вдруг одной рукой подхватил парня с земли и закинул за собой на круп лошади. Все это произошло настолько неожиданно, что Чиж, который и выкинул этот номер, успел скрыться в зарослях, окружающих поляну, прежде чем черкесы что-либо поняли.

Когда они снова устремились в погоню, из леса грянул выстрел и сбил одного из них в траву. Черкесы отскочили на другую сторону поляны и скрылись в лесу, начали обходить беглецов справа.

Али взвел тугой курок на своей винтовке тем самым кольцом на большом пальце, которое и казаки, и абреки носили всю жизнь. Оно так и называлось — взводное. Он привстал в седле, замер, несмотря на бешеную скорость его вороного коня, и выстрелил. Тяжелая медная пуля срезала ветку над головой Чижа.

Он оскалился от напряжения и, не поворачивая головы, выкрикнул:

— В плавни вскочим, разделимся. Я спрыгну и уведу их, а ты на Настину протоку жарь, но дай круга на Ржавый мыс. Я их перейму!

— Понял, Федор Семенович!

— Кинжал дай мне! — добавил Чиж.

Расстояние между преследователями и пластунами стремительно сокращалось. Новая пуля разорвала луку седла, содрала кожу с шеи коня и ударила в ствол дерева. Конь дернулся было вправо, но умелая рука Чижа мгновенно бросила его обратно на тропу.

— Куда, анафема черкесская!

Чиж и Яков наконец-то влетели в плавни, и перед ними стали разбегаться большие и малые тропы. Чиж

выбрал самую широкую из них, уходящую по большей дуге влево, и тут же спрыгнул на ходу в самые заросли. Яков забрал поводья, дал шенкеля, и конь, которому стало намного легче, рванул вперед.

Черкесы успели заметить, куда в этом лабиринте направил своего коня Яков, и погнались за ним. Из-под копыт лошадей теперь летели комья жидкой грязи, покрывали спины всадников черной коркой.

Чиж бежал через камыши по прямой, обрезаю дугу, быстро оказался далеко впереди Якова и погони за ним. Он вытащил кинжал и стал быстро подрезать лозу дикого винограда, оплетающую невысокие кусты, растущие у края тропы.

Ни пластуны, ни черкесы не подозревали, что их прекрасно видел человек, сейчас сидящий на дереве, в люльке из ветвей, сплетенных между собой. Его звали Емельян Вернигора, и он смотрел на происходящее через прицел своего литтихского штуцера, то есть нарезного ружья, произведенного в Бельгии.

Чуть в стороне, невидимый для Али и его людей, встал на одно колено Чиж. Вместе с ним с тропы поднялись и перегородили ее на уровне лошадиного колена виноградные лозы, спутанные между собой. Чиж мгновенно обмотал их вокруг пня, взял концы в руки, сел рядом с ним и уперся в него ногами. Страшная сила тут же рванула его вперед, и на тропе закувыркались черкесские лошади, сбрасывая седоков в грязь.

Не успел Чиж бросить лозу и откатиться в заросли, как раздался далекий выстрел. Штуцерная пуля разнесла череп черкеса, который пытался успокоить и вывести из толчи коня.

Вернигора закинул дымящийся штуцер за спину, слетел с дерева и побежал, на ходу доставая новый патрон из газыря.

Засада, которую организовал для черкесов Чиж, все-таки не смогла уберечь Якова от погони. Пуля ударила в заднюю ногу его коня, перебила сухожилия, вторая попала в шею. Парень на всем скаку перевернулся через голову и всем телом ударился о землю. Конь свалился на бок, придавил седока и забился в агонии. Яков с отчаянной силой пытался освободить ногу из стремени, но от резкой боли у него вдруг потемнело в глазах.

Когда мрак прошел, черкесы уже спокойно спешили, решили, видимо, взять Якова живым. За такого молодца родители не пожалели бы огромного выкупа.

Плавни за спиной у Якова зашевелились, заставив замереть его и черкесов. Вместе с Вернигорой, на ходу примыкая штыки к штуцерам, на помощь Якову бежали его отец Григорий Биля и Николай Кравченко. Появившись на тропе, пластуны тут же приготовились к бою. Они сомкнулись, Вернигора опустил на колено, а Биля и Кравченко остались стоять и мгновенно вскинули штуцера. Залп повалил трех человек из толпы черкесов, породил в ней смятение своей неожиданностью.

Пластуны мгновенно ушли с тропы в камыши на перезарядку. Скорость, с которой они вогнали новые пули в стволы, поразила бы воображение каждого, кто попытался бы это сделать вслед за ними.

Прежде чем черкесы начали спешиваться, еще три пули поразили цели. От черкесского отряда осталось чуть больше половины. На каждого пластуна приходилось несколько врагов, но они мгновенно подскочили к ним и ударили в штыки.

Где-то вдалеке раздался пушечный выстрел, и тут же зазвучал набат.

Али и его черкесы с визгом, раскручивая шашки над головой, бросились навстречу пластунам. Завязался ру-

копашный бой, всегда распадающийся на отдельные поединки.

Били сразу оказался перед Али. Казак почти не уступал черкесу в росте, но был легче и подвижней. Первым же движением штыка он выбил шашку из рук черкеса, но тот легко увернулся от второго и одним движением могучей руки вырвал штуцер у пластуна. В руках Али блеснуло лезвие его любимого оружия — пистолета, ствол которого завершался коротким треугольным клинком. Выстрел не достал Билию. Каким-то почти сверхъестественным образом он ушел в сторону и вниз. Но Али успел сбить его с ног, подмять под себя. Клинок медленно, но неотвратно пошел к горлу казака.

Кравченко успел заколоть штыком одного из трех черкесов, нападавших на него, но его сильно теснили двое других. Туго пришлось и Вернигоре, который тоже дрался с тремя противниками.

Клинок Али уже почти достиг горла Били, но тому все-таки удалось отбросить от себя черкеса. Он откатился в сторону, вскочил и достал из-за спины странное оружие, вид которого на мгновение привлек внимание Али.

Это был пистолет с очень широкой средней частью и курком, расположенным не сбоку, как обычно, а где-то сзади. В нем вдруг что-то повернулось, и раздался резкий звук выстрела.

Пуля с огромной силой отбросила Али назад. Под выстрелами Били тут же упали еще трое черкесов, наседавших на Вернигору и Кравченко. Остальные резко подались назад. Били убрал револьвер обратно в кобуру за спиной, поднял свой штуцер, откатился назад и залег за убитым конем Якова.

Он перезаряжал оружие, когда рядом с ним упали на землю Кравченко, раненный в голову, и Вернигора, получивший шашкой по руке. Пластуны вгоняли пули в штуцера, поглядывали в сторону черкесов. Но те уже подались назад, поднимали с земли свое оружие, вскакивали в седла и уходили врассыпную в сторону гор.

Али змеей быстро уползал в камыши. Через прореху в его одежде, пробитую на плече, была видна тончайшей работы кольчуга, которую заливала кровь.

На поле боя теперь оставались только несколько тяжело раненных черкесов.

Пластуны освободили Якова, но опереться на зажатую ногу он не мог, резкая боль пронзала лодыжку и колено.

— Батя, нога!

Из кустов с противоположной стороны поляны появился Чиж, мокрый до нитки.

Это обстоятельство, видимо, несколько не испортило ему настроения, потому что он сразу же довольно весело прокричал:

— Ахти мне, не успел!

— Федя, где купался? — совершенно спокойно спросил его Кравченко.

— Долго рассказывать, Николай Степанович!

— Они с Яшкой вместе бежали. Я их с дерева видел, — тихо сказал Вернигора Биле, который своей могучей рукой поддерживал Якова.

— Сиди пока, — бросил отец сыну.

Тем временем Чиж быстро, но осторожно двигался по полю боя. Раны у черкесов были тяжелые, но лекари горцев в то время умели больше, чем медики так называемых просвещенных стран. Кавказ не знал ампутаций,

гнойных заражений и много чего другого, приводящего к ужасающей смертности в европейских больницах. Однако сейчас раненые лежали на земле своего врага, и надежды для них было мало.

Рядом с одним из этих черкесов Чиж наметанным взглядом заметил отличную шашку, которую не успели забрать люди Али. Завидев Чижа, раненый черкес из последних сил приподнялся на локте и разбил клинок шашки о ствол своей винтовки, лежащей тут же, рядом.

Он попытался было разбить у нее приклад, но этого Чиж уже не допустил, перехватил руку черкеса и грозно сказал:

— Не порть!

В это время к пластунам галопом подошел конный отряд.

Один из головных казаков спешился, шагнул к Биле и спросил:

— Григорий Яковлевич, вы все целы?

— Да, трошки порезались только.

— Сила этот револьвер. Без него они нас разутюжили бы! — спокойно проговорил Кравченко, вытирая со лба кровь.

К ним подошел Чиж, обвешанный трофеями.

— А я смотрю, Федя, ты, как и всегда, при деле, — с легкой насмешкой сказал ему Биля.

— Потом сами мне спасибо скажете! — заявил Чиж. — Вот я припоздал малость, и один чертов сын успел настоящую гурду расколотить! — Он горестно вздохнул и показал Биле рукоятку шашки со знаменитым клеймом на осколке клинка.

— Раненых черкесов заберите на пикет, — приказал Биля.

2

Черноморское побережье Кавказа

Паровой фрегат «Таиф» стоял на якоре недалеко от кавказского берега Черного моря, в пятнадцати милях к востоку от Геленджикского укрепления Черноморской береговой линии.

Кроме рулевого матроса и капитана, на мостике «Таифа» находился боцман, похожий на циркуль, в просторечии именуемый козьей ножкой и воткнутый в чертежный стол. Природа одарила Джекилла удивительной, почти идеальной кривизной нижних конечностей.

Однако самым интересным человеком из тех, кто собрался сегодня на мостике «Таифа», был четвертый из них. Если кого поначалу и могла ввести в заблуждение сутана протестантского пастора, то при внимательном рассмотрении становилось ясно, что это человек серьезный и начисто лишенный сантиментов. Глубоко посаженные глаза, лысый череп и морщинистая шея делали его похожим на большую ящерицу. Но у этой твари был весьма энергичный и жесткий взгляд, не суливший ничего хорошего ее врагам.

Его звали Уинстон Слейтер. Наверное, стоит сказать, что он был не просто человеком своего времени, но и опережал его. Слейтер являлся военным советником, причем весьма квалифицированным. До того как на его сутулой фигуре появилась протестантская ряса, он служил наемником в армиях многих мелких европейских государств, самых неразборчивых на средства подавления внутреннего инакомыслия.

Одновременно этот человек был крупным коммерсантом. В этом качестве он был совершенно беспощаден.

Вексель с надежной передаточной надписью в системе ценностей Слейтера многократно перевешивал любую человеческую жизнь, будь то женщина или ребенок, особенно если последним не повезло с цветом кожи. Впрочем, и самым чистокровным аристократам не приходилось ожидать от Слейтера милости, особенно если они покушались хотя бы на один шиллинг из тех, что имелись в его кармане.

Уинстон Слейтер был настолько темного происхождения, насколько оно вообще может быть таковым. Но его солидный капитал давно заткнул рты тем правдоискателям, которые пытались вслух вспоминать о том, что его мать была простой портовой шлюхой.

Слейтер был жесток, смел, расчетлив, приближался к пятидесяти годам и все чаще подумывал о женитьбе. Идея покоя, семейного уюта с некоторых пор получила для него особую привлекательность, в детали которой Слейтер в силу своего беспокойного характера пока еще не успел хорошенько вникнуть.

В руках у Слейтера была подозрная труба, но и без нее он сразу же увидел одинокого всадника, который показался среди сосен, торчащих на склоне горы, прямо напротив «Таифа».

Однако Слейтер все-таки вскинул подозрную трубу и, не отрывая ее от правого глаза, коротко бросил:

— Капитан, к нам мистер Ньюкомб собственной персоной!

Всадник тем временем выехал на галечный пляж и остановился.

«Таиф» подошел к берегу ровно настолько, насколько позволяла его небольшая осадка. Ньюкомб сам провел своего коня, беспокойно перебирающего ногами, по мосткам, сброшенным прямо в море, и тут же

властно бросил поводья в лицо моряка, подбежавшего к нему.

Мостки были убраны, якорная цепь натянулась как струна, тут же ослабла и стала уходить в клюз под гудение мощной лебедки. Якорь показался из воды, и в то же самое мгновение из трубы «Таифа» повалил черный угольный дым.

Генри Ньюкомб на длинных ногах уже поднимался через ступеньку к капитанскому мостику. Он поприветствовал всех энергичным кивком, повернулся в сторону Слейтера и уперся в него прямым холодным взглядом.

— Мистер Ньюкомб, мы рады вас видеть здоровым и невредимым после вашего очередного путешествия к дикарям. Надеюсь, что хотя бы на этот раз вам сопутствовала удача, — размеренно проговорил тот.

Зрачки Ньюкомба, похожие на голубые льдинки, светились задумчивым торжеством.

— Приветствую вас, джентльмены! Мистер Слейтер, мы могли бы немедленно поговорить наедине? — спросил он.

«Таиф» круто развернулся от берега и взял курс в открытое море. Черный угольный дым из его трубы кошачьим хвостом тянулся по ослепительно-синему небу.

Слейтер предупредительно открыл перед Ньюкомбом дверь и галантно пропустил его перед собой. Ньюкомб прошел по прямой к столу, достал из-под плаща какой-то продолговатый предмет и бросил его на стол. Это был стилет с инкрустированной рукояткой и трехгранным клинком отличной работы.

Ньюкомб обернулся, торжествуяще посмотрел в глаза Слейтеру и спросил:

— Вы когда-нибудь видели оружие ценой в пять миллионов фунтов стерлингов? Если нет, то взгляните на него.

Казачья станица, кубанское предгорье Кавказа

Обстановка в доме Били была проста, но каждую вещь, находящуюся здесь, можно было долго рассматривать. У стены стояла массивная кровать с резной спинкой, над ней красовался дорогой турецкий ковер. Оружие, развешенное на нем, вызвало бы завистливое внимание самого тонкого знатока. Любой кинжал, шашка или пистолет, не говоря уже о винтовках, были редкой, первоклассной работы.

Чрезвычайная простота отделки этого оружия только подчеркивала его боевые качества. Здесь не было ничего избыточного, каждый грамм лишнего веса был удален. Великолепная серая сталь клинков и стволов словно дымилась на фоне синих и красных цветов ковра. Конская сбруя, плети, бурки и башлыки на стенах были, как и оружие, самой лучшей работы.

Низкий стол сегодня был застелен белой скатертью, а на широких черных скамьях лежали шитые подушки. В красном углу на почетном месте сияла икона великомученика Евстафия Плакиды в дорогом окладе. Святой покровитель пластунов замер перед оленем, вышедшим к нему из леса, между рогами которого пылал в лучах закатного солнца Христос, распятый на кресте.

Далеко не в каждом станичном доме можно было увидеть большой шкаф красного дерева с книгами по медицине, военному делу, журналами по разным отраслям знания, в том числе и на французском языке. На его верхней полке стояли небольшой телескоп и астролябия.

На скамье сидел Яков. Одна штанина у него была закатана, нога покоилась в медном тазу с теплой водой. На коленях перед Яковом стояла казачка лет тридцати с небольшим. Ее жгучая, яркая красота была разлита не только в синих глазах, точеных чертах лица, очертаниях шеи и плеч, но и в каждом движении ее руки, которая сейчас губкой промывала глубокую ссадину на ноге парня, в черной косе, опустившейся на пол и казавшейся еще темнее на фоне белой кожи. Это была Ольга, мать Якова и жена Били.

Низкая дверь хлопнула, и в горницу тяжело ступил хозяин дома. Ольга при его появлении бросила губку в таз и поднялась на ноги.

Били молча смотрел на сына, словно ожидал от него ответа. Яков достал из поясной сумки что-то продолговатое, замотанное в платок, пропитанный кровью, кинул на скамью и развернул. На тряпке лежал отрезанный большой палец с широким медным кольцом, вросшим в него.

Ольга бросила взгляд на платок и сразу отвернула голову.

— Мать, выйди, — спокойно сказал Били.

Ольга молча забрала таз с кровавой водой и пошла к двери. На пороге она попробовала задержаться, но муж одним взглядом повторил свое требование. Жена толкнула спиной дверь и вышла в сени. Створка снова стукнула.

Отец и сын остались в горнице вдвоем. Били подошел к стене и снял с нее тяжелую плеть, рукоятка которой была окована серебром.

— Батя, за что? — спросил Яков.

— Неужто не знаешь? Кутерьму какую поднял на весь курень! Рано тебе пластуном-то зваться!

Яков опустил глаза, сбросил со скамейки платок с отрезанным пальцем и лег на нее. С его ноги закапала на глинобитный пол розовая вода.

— Не гордись, сын, не ходи днем, знай пластунскую погоду! — проговорил Биля, дважды сильно ударил Якова плетью и повесил ее на место. — Ладно, будет с тебя.

Ольга облегченно вздохнула и сдвинулась со своего наблюдательного пункта, расположенного за дверью. Она сделала это совершенно бесшумно, но Биля все понял. Нет, он даже не улыбнулся. Просто что-то изменилось на секунду в его серых глазах, словно порыв ветра пробежал по глубокой воде озера и сразу стих.

Яков приподнялся, сел на скамью и едва заметно поморщился от боли.

— Запомни, лисий хвост — волчья пасть. Не видели, как пришел, не чуяли, как ушел. Дай ногу посмотрю, — сказал Биля и, как только что Ольга, опустил перед сыном на колени.

Мать увидела, что гроза миновала, вошла в хату и остановилась на своем обычном месте, рядом с печью.

Биля умелым движением пальцев прошел по ноге до колена. Яков снова поморщился.

— Здесь? — спросил отец.

Парень согласно кивнул.

— Сегодня мазь сделаю. Травки у меня собраны. В две недели здоров будешь, — сказала женщина, кивнула на отрезанный палец, лежащий на глинобитном полу, и добавила: — Дрянь-то эту выкинули бы со двора!

— Выкинем. Дед его головы по четырнадцатому году из-за Кубани-то носил. А он только вот... — Биля обернулся к Якову и распорядился: — Кольцо взводное прибереги.

На небольшой деревянной подставке, воткнутой в недавно оттаявшую землю, белело куриное яйцо. Над станицей гудел благовест. На всем скаку шагах в десяти от подставки пронесся на кауром жеребце Вернигора с пистолетом в руке. Он выстрелил, и яйцо разлетелось, окрасило желтым и белым черную проталину.

Из церкви выходили толпой нарядные казаки и казачки, среди них и Биля с Ольгой.

На станичной площади тем временем летали на дорогах конях молодые казаки. Первым среди них был Яков.

Вдруг из толпы выступила зеленоглазая румяная девушка с русыми косами и кинула перед ним сильной рукой серебряный рубль.

Яков поднял серого коня на дыбы, гикнул, заложил круг в сторону от упавшей монеты и понесся к ней на глазах у всей станицы. На всем скаку он упал в седле на сторону, подхватил с земли серебро, подбросил его в воздух, тут же выхватил пистолет и выстрелил. Монета взвизгнула и как бабочка порхнула в сторону.

Одобрительный гул прокатился у церкви. Ольга счастливо глянула на мужа. Тот вдруг обнял ее и поцеловал.

К ним спешил Кравченко, разодетый в лучшее, что только нашлось у него в доме.

— Христос воскресе!

— Воистину воскресе!

Кравченко солидно, неторопливо похристосовался с Билей, потом с Ольгой, кивнул в сторону Якова, который замер на своем скакуне в толпе станичной молодежи, и сказал:

— Молодец сынок у вас!

Яков уже снова несся по площади. На дальнем его краю он резко осадил коня, спрыгнул с него, уложил на

землю, положил винтовку на седло и выстрелил из нее. Он тут же поднял коня, вскочил на него и послал боком, иноходью, наискосок через площадь.

— Как пришитый! Конь-то хорош! — сказал Кравченко. — Подарок мой вашему сынку за отличное учение. Первым идет в войсковом училище!

Ольга улынулась, поклонилась ему и спросила:

— Что ж, Николай Степанович, на хутор к нам будете нынче или нет?

— Как же, Ольга Васильевна! Давно зван, помню!

— Вот и слава богу! Эх, день-то какой! Дал бы Господь весну дружную, отсеялись бы рано!

— Да уж. Пшеницу я дивную раздобыл, как с повесткой в Екатеринодар прибегал. Десять зерен в ряд на ладони умещаются, никак не больше! Только как бы какого другого сева нам не было, — произнес Кравченко.

— О войне молва идет по станицам?

— Что греха таить, пошел такой разговор. Газеты тоже читаем. Дьявол этот Пальмерстон так и наскაკивает на Русь!

В стороне от церкви, задрав голову к куполам, стоял московский купчик в добротном полушубке и собольей шапке с красным верхом. За его спиной молнией мелькнули на конях Яков и Вернигора. Купчик схватился за обнаженную голову. Яков привстал в стреленах и подкинул шапку едва ли не к самым куполам. Разом ударили две винтовки. Под хохот толпы к ногам купчика полетели ошметки бархата и соболиных хвостов.

Снова затрезвонили колокола. Праздничная толпа потекла по улицам, смешивая снег и грязь. Где-то высокий женский голос завел песню. Через мгновение ее подхватили сотни станичников.

Али увидел излучину Кубани, а еще дальше за ней, почти у самого горизонта — кресты станичной церкви. Колокольный звон доносился сюда еле слышно, как шорох. Рядом с Али перебирал поводья Иса, его боевой друг и троюродный брат.

Али внимательно смотрел на кресты церкви, на берег реки и на плавни, раскинувшиеся на той стороне реки.

Всадники стояли за его спиной и ждали.

Наконец-то Али обернулся к ним и сказал:

— Здесь разделимся. Вы делаете все так, как я сказал!

— Хорошо. Да вернешься ты целым и здоровым!

Али еще раз взглянул в сторону Кубани и направил коня прямо на кресты станичной церкви.

Ударили друг о друга старинные кубки в руках у Били, Кравченко, Чиж, Якова и Вернигоры. Стол ломился от еды. Чего здесь только не было! Баранина, свинина, каша, пироги и полуведерные кувшины с вином.

Биля выпил и завел старинную казачью боевую песню. Пластуны подхватили ее, пели хорошо, на разные голоса.

Ольга слушала их стоя, закрыв глаза и покачивая головой.

Когда песня оборвалась, Биля с любовью посмотрел на свою хозяйку и сказал:

— Садись с нами.

Семнадцать лет жили они душа в душу, с того самого дня, когда пятнадцатилетняя Ольга и двадцатипятилетний Биля взяли за руки и, осыпаемые хмелем, вошли в этот дом.

Ольга села рядом с мужем, подперла щеку рукой.

Яков встал, чтобы разлить вино. Вернигора чуть-чуть подцепил его под столом за ногу, и парень из-за спины

погрозил ему кулаком. Вернигора был старше Якова на пять лет, но дружили они с детства.

Биля заметил это баловство и покачал головой. Такие парнищи, быка могут сшибить, в рубль на скаку влет без промаха бьют и поди ты, как дети малые.

— Я все спросить хочу, Федор, как ты в зиндане-то оказался, — бросил он через стол Чижу, повернулся к Ольге и добавил: — В тот раз мы сына едва не лишились. Если бы Федя не подоспел, то срубили бы черкесы Яшу нашего. За то чти его, Яков, как второго отца. Мы с матерью уже в пояс ему кланялись и еще почтим.

От таких слов Чиж даже поперхнулся.

— Да какой из меня отец? Я человек веселый! — заявил он. — А про тот случай забыть пора давно. Пластуны взаимовыручкой живут. Там любой пособил бы. А в тех местах я довольно дивным образом очутился. Ходил я на охоту на левый берег, где мирный аул Беклемишев. Взял кабана. Здоровенный такой секач, пудов на десять. Думаю, как тащить? Пошел я тогда в этот самый Беклемишев аул, поиграл на скрипке, черкесы дали арбу, чтобы довести кабана. Почти у Ольгиной переправы навалились на меня абреки. Главный у них был тот самый здоровенный дьявол, который потом на тебя, Григорий, наскочил в плавнях.

В разговор солидно вступил Кравченко:

— Да, турок да персиянин, это не наш черкес! Те разве что с испугу выстрелят да обратно жарят, а с нашими осторожно надо держаться. Они голову с плеч могут снять в любой секунд. Пожалуй, и не услышишь, как он тебя разделает!

— Ловкие они, это точно, — подхватил Чиж. — Эти дьяволы из залого вывернулись на меня в двадцати ша-

гах. Винтовка у меня заряженная всегда на изготовку, под буркой на арбе лежала, да больно их много было. Одного я мог бы пристрелить, да подумал, что остальные тогда обидятся сильно. Так вот я в яме и оказался!

— А дальше-то что? — спросил Биля.

— Они меня в зиндан сунули. Я упросил, чтоб скрипку оставили. Сижу день, другой, третий. Хлеба осьмушка, да воды кружка, на брюхе сплю, спиной покрываюсь. Со скрипкой лучше. Когда поиграю, легче становится. А там девчонка одна повадилась меня слушать ходить. До чего же хорошая! В тот самый день она мне веревку кинула. Я ей спасибо сказал да тикать пустился. Обхожу саклю задами, гляжу, наш Яша на крыше лежит. Все остальное уже говорено.

— Теперь редкая неделя проходит без такой вот оказии, — заметил Кравченко.

— Те тогда ушли за Кубань. Ничего мы им не доказали, — добавил Чиж.

— Однако семерых уложили. А вот как тот наш знакомец ушел, не знаю, в упор я в него бил, — сказал Биля и вдруг насторожился.

Пластуны сразу увидели это и затихли. Но никто из них ничего не мог услышать, как ни старался.

— Гость к нам пожаловал, — сказал Биля, и казаки потянулись к оружию. — Один, верхами. Пойду встречу.

— Кому бы это быть? — спросил Кравченко.

Биля уже снимал со стены свой штуцер.

— Яков, посвети мне, — попросил он сына.

Тот встал и вслед за отцом взялся за винтовку.

Пластуны стали подниматься на ноги.

— А вы посидите, гости дорогие, мы сами справимся.

Казаки пододвинули оружие поближе к себе и снова сели.

Вернигора наклонился к Кравченко и шепотом спросил:

- Как же он так, дядя Николай? Раньше собак учуял!
- Талан у него такой.

Яков и Биля стояли по разные стороны двери и всматривались в темноту.

К воротам подъехал всадник и остановился.

— Кто такой будешь, мил человек? — спросил Биля в темноту.

— Гость, — ответил Али чисто по-русски и приблизился к свету.

Хозяин хаты сразу узнал его. Черкес в черной бурке возвышался над плетнем и смотрел прямо на него.

Биля поставил винтовку к стене и пошел к воротам.

Якову, который тоже сразу узнал черкеса, эти пятнадцать шагов, которые его отец отмерял совершенно спокойно, не спеша, показались целой верстой. Парень старался не вертеть головой, медленно, почти одними глазами, внимательно осматривал пространство за плетнем.

Биля отпер ворота. Али заехал во двор, остановился на самой середине, однако спешиваться не стал. Хозяин подошел к гостю и взялся за стремя. Только тогда черкес легко для своего огромного роста соскочил на землю и протянул правую руку. Биля ответил на рукопожатие, снял с Али его винтовку и показал ему на дверь в хату.

Яков повел коня к стойлу, но успел увидеть еле заметный кивок отца, который обозначал: «Посмотри вокруг».

Али тоже заметил это движение, но его лицо осталось совершенно спокойным. У входа в дом Биля сделал шаг в сторону и взял свою винтовку, прислоненную к сте-

не. Али сразу остановился. Но пластун молча вернулся, поднялся по ступеням крыльца и открыл перед гостем дверь.

Али вступил в хату первым, перенес через порог сначала правую ногу. Пластуны встали и поклонились гостю. Сразу у порога Али снял с себя все остальное оружие — пистолеты в чехлах, шашку и кинжал — и отдал Биля. Тот указал ему на свое место во главе стола, которое уже быстро расчищала Ольга, а сам подошел к стене и повесил на колышки его оружие.

Гость шел вдоль стола и здоровался с пластунами, протягивал им руку. Каждый брал ее по-своему. Чиж — с легкой улыбкой, Вернигора — серьезно, Кравченко — с задержкой. Мол, будь моя воля, не дал бы совсем. Али сел за стол. Пластуны остались стоять на ногах.

— Прошу вас, садитесь! — с поклоном попросил их Али.

Пластунов поразила чистая русская речь черкеса, но они не подали вида. Все снова сели за стол. Биля устроился рядом с гостем. В горнице наступила тишина, было слышно только потрескивание свечей. Али и пластуны внимательно смотрели друг на друга.

Разговор, согласно обычаю, начал гость.

— Хорошо ли здоровье хозяина? — спросил он.

— Бог милостив, спасибо!

Черкес ударил себя в грудь ладонью и назвал:

— Али.

— Как здоровье гостя? — спросил, в свою очередь, Биля, повинувшись старинному обычаю.

— Благодаря Аллаху, теперь лучше.

При этих словах Али и Биля встретились взглядами. Каждый из них хорошо помнил свою последнюю встречу. Не забыли ее и остальные пластуны.

В комнату вошла Ольга и подала гостю умыться. Али не спеша сполоснул руки, отдал полотенце.

— Как здоровье хозяйки дома? — спросил он у Ольги, склонил голову и добавил: — Да исполнятся желания ее души.

— Спасибо вам. Бог милует. И вам того же! Кушанье сейчас подогрею, — сказала Ольга и вышла из комнаты.

Али немного помолчал и снова заговорил:

— Что нового у вас слышно? У нас в горах говорят, что большая война будет.

— Вы высоко, вам дальше видно, — ответил на это Биля.

— Гора только кажется близкой, а идти до нее семь дней, — заметил Али.

Кравченко наклонился к Чижу и прошептал:

— Гляди, как по-нашему чешет, черт нерусский.

Кравченко отодвинулся от Чижа и громко произнес:

— Война войной, а как бы нам в спину кто не ударил.

Али уловил смысл этих слов.

Биля с осуждением посмотрел на Кравченко, но тот явно остался при своем мнении о происходящем.

— У нас говорят, что Россия с Оттоманской Портой будет воевать, но турки хотят сразиться с вами чужими руками, — продолжал Али.

— Правильно говорят, — согласился Биля с этими словами гостя.

Кравченко снова наклонился к Чижу и тихонько сказал:

— Вынюхивать приехал.

В горницу вошел Яков, и Али сразу заметил на его коленях и у локтя следы свежей грязи. Парень перехватил взгляд черкеса, снял бекешу и повесил ее на стену. После этого он встал за спиной гостя, готовый прислуживать ему.

Али снова бросил взгляд на его испачканное колено так, чтобы это заметили все, и сказал:

— Я пришел один и с миром.

Яков за его спиной утвердительно кивнул.

— Кто не оказал почета гостю, у того поле не заколосится, — сказал Биля на кумыкском.

— Куда не заглянет гость, не заглянет добро, — на черкесском ответил ему Али.

— Добра мы от вас мало по сей день видали, — снова вступил в разговор Кравченко.

Он отвечал черкесу по-русски, давал понять, что язык его знаком здесь.

Ольга вошла в горницу с блюдом, на котором дымилась вареная баранина. Она опустила его на стол перед гостем, достала из кармана передника дорогой, чеканного серебра кубок и поставила его перед Али. Яков разлил вино из кувшина.

Али поднял кубок и проговорил:

— Хозяин дома — храбрый воин, слава о нем идет далеко. Видел я и сына его. Большой храбрец растет, гордость рода! Пусть жатва смерти обойдет этот дом! Да стоит он до скончания веков!

— Аминь, — ответил ему Биля и выпил.

Выпили до дна и остальные.

Али лишь слегка пригубил вино и спокойно, степенно начал есть.

— Что еще говорят у вас про войну? — спросил его Биля.

— Были английские гяуры в горах.

— Они к вам давно повадились.

— К нашим берегам приходил их корабль.

— Выйду-ка я до ветру, Григорий, — сказал Кравченко и глазами попросил Билю отправиться с ним.

Тот поднялся со своего места.

— Прошу прощения! — обратился он к Али.

В сенях Кравченко сразу прижал его к стене и прошептал:

— Не на нас ли они поднимаются, Григорий?

— Один он. Яков осмотрелся.

— Это он теперь один. А вдруг абреки его в самый глухой час и подойдут? Или не знаешь, на какие штуки они способны? Как Долгача-то хутор разорили, помнишь? Трое приехали, сказались мирными, барана у него купили, а под утро их партия наскочила! Сейчас по хуторам, да и в станице все казаки хмельные. Самое время им вдарить!

— Бог не без милости, казак не без доли!

— Долгач, поди, тоже так думал, да жизнь не уберег.

Тем временем в горнице Били шел интересный разговор.

— Ты про Маликат сейчас вспомнил, а знаешь ли, что ее брата убил? — спокойно сказал Али Чижу.

— Дело боевое, — заявил тот и пожал плечами. — И он бы меня срубил, кабы смог.

Али согласно кивнул в ответ на это.

В горницу вернулись Биля и Кравченко.

— Время позднее, станичники, — сказал хозяин хаты, повернулся к жене и добавил: — Постели гостю здесь. Мы с тобой в малую горницу перейдем.

Ольга вышла из комнаты.

Гости дружно поднялись со своих мест.

— Бывайте здоровы, хозяева! — сказал Кравченко и пошел к выходу.

Он не подал руки Али, но Чиж и Вернигора сделали это. Али приветливо улыбался и прощался с пластунами.

Едва Чиж и Вернигора вышли, в горницу снова вошла Ольга с постелью для гостя на руках.

Чиж и Кравченко уже рысями шли впереди, когда последним в ворота проехал Вернигора.

На ходу он бросил Якову, который провожал гостей, стоя у столба:

— Завтра на построение-то войсковое будете?

— Хотели быть, — ответил Яков.

Вернигора пустил лошадь в галоп, догоняя Чижа и Кравченко.

К Якову подошел отец и сказал:

— Отъедут наши, скачи на пикет, вели им, пусть засаду сделают, если что, переймут его абреков.

Биля пошел к дому, а сын выждал с минуту и побежал седлать коня.

Пластуны ехали в густом тумане совершенно молча. Кравченко вдруг подал коня в сторону.

— Далеко ли? — спросил его Чиж.

— Вы езжайте, станичники, а мне дело есть, — ответил тот и скрылся в тумане.

Ольга еще раз прошла рукой по постели, приготовленной для Али, и вышла из комнаты. Биля и Али теперь вдвоем сидели за опустевшим столом.

За окнами простучали копыта. Это Яков выскочил за ворота и погнал коня к плавням.

Али посмотрел в глаза Били и повторил:

— Я пришел с миром.

— С миром вы к нам редко ходите, — сказал хозяин хаты, так же прямо глядя в глаза гостю.

— Эту вражду не мы начали, и не нам ее заканчивать. Но нет крепче дружбы, чем та, которая связывает бывших врагов, проверивших друг друга в бою, — заявил Али.

Биля поднялся на ноги, взглянул на гостя и произнес:

— Спокойной ночи.

— Еще скажу. Сын твой — украшение рода. Счастлив отец, воспитавший такого удалыца!

— Спасибо на добром слове, — сказал Биля, вышел из комнаты, прошагал через просторные сени и оказался в небольшой горнице.

Там он перекрестился и лег в постель рядом с женой.

Ольга оперлась на локоть, склонила встревоженное лицо к мужу.

— Гришенька, сердце у меня не на месте! Что ты его пустил, проклятого? Глаза у него, как угли!

— Оля, я так думаю, он кунаком моим стать хочет, для того и приехал. Спи. Черкес не нарушит закона гостеприимства.

Иса прислушался в очередной раз. На хуторе погасли огни. Там было тихо.

Рядом с Исой вглядывался в ночь Али, молодой высокий черкес. Плечи его не отличались особой шириной, но весь он был словно выкован из стали, сила читалась в каждом его движении. Этот парень легко гнул в ладони подкову и укладывал в борьбе первых богатырей, которые нависали над ним, как скала над горной рекой.

— Может быть, надо напасть сейчас? — спросил он.

— Нет, он не дал сигнала, — ответил Иса и стал разворачивать коня в сторону гор, темневших у него за спиной.

3

Черноморское побережье Кавказа

«Таиф» стоял кормой к берегу, до которого было не меньше морской мили. Над морем ключьями проплывал утренний туман. На берегу среди деревьев был виден боль-

шой деревянный щит, выкрашенный красной краской. На корме «Таифа» стояла установка для запуска ракет, изобретенных английским генералом Уильямом Конгривом. Они нацелились в небо с деревянного треугольника и внешне мало отличались от тех, которые были приняты на вооружение в европейских армиях еще в начале девятнадцатого века, разве что были на вид чуть больше. Вместо длинных прутков, которые служили в полете стабилизаторами, в их корпуса врезались небольшие плавники.

Ньюкомб в кожаном фартуке и белоснежной рубашке крутил ручку угломера. Под штрипками его военных брюк горели сапоги, начищенные до блеска.

Здесь же под мокрой парусиной лежали еще несколько ракет. Около них топтались двое матросов.

В сопла ракет, которые теперь смотрели в сторону красного щита, установленного на берегу, уходили медные провода в каучуковой оплетке. Они соединялись с гальванической батареей, белевшей на палубе своими фарфоровыми боками.

Ньюкомб оторвался от угломера, подошел к ней и взялся за медную рукоятку замыкателя.

Слейтер, капитан, боцман с мостика внимательно наблюдали за происходящим.

Ньюкомб посмотрел в их сторону, Слейтер кивнул головой, и Ньюкомб пронзительно крикнул:

— Внимание! Огонь!

Он повернул замыкатель, и ракеты одна за одной сорвались с полозьев. Первая из них прочертила над морем красную полосу, ударила точно в центр щита и разнесла его в щепки. Две остальные разметали камни и повалили деревья, к которым он был прикреплен. Остатки всего этого теперь горели. В утреннее небо поднимался

черный дым, а гул от разрывов ракет еще долго перекашивался в горах над морем.

Солнце показалось над горизонтом. Его лучи высветили на морской глади опаловые, голубые, темно-синие и перламутровые полосы.

Ньюкомб взошел на капитанский мостик, вытер пороховую гарь с лица.

— Впечатляет, мистер Ньюкомб, очень даже! — сказал ему Слейтер. — Вы добились серьезных результатов!

— Серьезных! Да это прорыв! Теперь надо убедить тупиц из военного ведомства в том, что речь идет о настоящей революции! Конгрив сжег Бордо и Копенгаген почти полвека назад. С тех пор мы не продвинулись ни на шаг! Теперь же я предлагаю нечто совершенно другое. Если угодно, это революция в военном деле! Видите ли, я говорил вам, что использую для стабилизации полета истекающие газы, заставляю их проходить через ряд спиральных каналцев, расположенных у основания стального корпуса ракеты. Это заставляет ее вращаться, придает ей устойчивость наподобие винтовочной пули. Теперь я могу...

— Дорогой Ньюкомб, избавьте меня от этих подробностей! Каждый должен заниматься своим делом! — Я финансист. Вы просите у меня денег, а между тем риск тут огромный.

— Никакого! Тем более что я и сам скоро буду богаче любого раджи!

— Мистер Ньюкомб, мне кажется, что вы излишне надеетесь на старинные манускрипты. Я, конечно, могу вам ссудить кое-что, но на особых условиях.

— Черт с вами! Меня не интересуют условия, Слейтер. Проценты сейчас не имеют для меня никакого значения.

**Казачья станица,
кубанское предгорье Кавказа**

Биля задавал корм лошадям, когда до его уха донесся легкий храп. Кто-то безмятежно спал на сеновале. Хозяин подворья поднялся по небольшой лестнице и увидел, что на бурке широко разметался Кравченко. Вокруг него был разложен целый арсенал — винтовка, кинжал, шашка и два пистолета.

Биля потянулся вперед и слегка потряс Кравченко за ногу.

— Коля!

Тот проснулся и мгновенно поднялся на бурке.

— Пойдем чай пить, упрямый черт!

— Это мы можем, — спокойно ответил тот.

Али, Кравченко и Биля степенно пили чай. Небольшой посеребренный самовар посвистывал на столе, около него сидела Ольга. Ее тяжелая коса была обернута вокруг головы. Под платком читалась вся тяжесть густых, черных, как смоль, волос.

— Якова побуди, — попросил ее Биля.

Когда Ольга вышла, Али оставил чашку, вытер пот со лба и произнес:

— Прекрасное оружие в твоём доме, хозяин. — Он восхищенно смотрел на шашку, но видно было, что взгляд его прежде всего приковывали два револьвера, висящие рядом с ней на ковре. — Могу ли я взглянуть поближе, дорогой?

— Что ж, смотри.

Али подошел к спинке кровати, но сначала взял не револьвер, а простой с виду кремневый пистолет.

Кравченко тут же пододвинул поближе свой, который лежал рядом с ним на скамье.

— Это отличный пистолет. Из него можно попасть в монету с пятидесяти шагов! — сказал Али, бережно вернул оружие на место и осторожно взял в руки револьвер.

Он окинул его быстрым взглядом знатока, который мгновенно оценивает все преимущества вещи, понравившейся ему, повернулся к Биле.

— Настоящее чудо! Что это?

Хозяин дома встал, подошел к гостю и ответил:

— Это называется револьвер.

— Ему нет цены! Ничего не устоит перед ним!

— Да, прежней войне пришел конец.

— Такое оружие — мечта любого воина. Пять невольников, десять — мало будет! Ста не хватит!

— Возьми от меня в подарок.

— С благодарностью приму его! — Али расцвел, как ребенок, подошел к столу и положил револьвер у своего места.

Кравченко сплюнул с досады.

— Есть у меня и для тебя подарок, брат мой! — сказал Али, подошел к стене, где со вчерашнего дня висело его оружие, снял шашку, поклонился и на двух руках передал ее Биле.

Рукоятка у шашки была самая простая, и по лицу Били на мгновение скользнула тень недоумения. Больно уж неравным показался ему ответный подарок черкеса.

Али ждал.

Биля выдвинул клинок из ножен и мгновенно увидел все его достоинства.

Он вложил шашку обратно в ножны, передал ее Кравченко и осведомился:

— Что скажешь?

Тот осторожно принял шашку, вынул из ножен, осмотрел, встал и подержал в руке, проверяя баланс.

— Настоящий булат! Полоса самая легкая, гибкая, звонкая, как коса. Ее не на бурке пробовать надо, а на панцире. Хороша, слов нет! Такая ружейный ствол пере-рубит, — наконец-то сказал он.

— Пойдем, проверять будем! Есть у меня, на чем именно, — проговорил Али и начал раздеваться.

Под его черкеской оказалась древняя кольчуга тончайшей работы.

Али в одной нательной рубаше вышел к крыльцу и приладил на сноп соломы свою кольчугу. За его спиной стояли Кравченко, Биля и Яков, который еще не до конца проснулся и иногда потирал рукой глаза. Чуть поодаль держалась Ольга, скрестив руки на груди.

На плече у кольчуги был виден недавний разрыв от револьверной пули Биля. Он был заделан кольцами новой грубоватой работы.

— Не жаль кольчугу-то? — спросил Биля.

— Не жаль, хотя она двести лет в моем роду. А эта шашка работы знаменитого Айдемира, — ответил Али.

Он взял клинок из рук Биля, оставил ему ножны, подошел к кольчуге, потом сделал от нее шаг назад. Черкес прикрыл глаза, выровнял дыхание, завел левую руку за спину и ударил так быстро, что человеческому глазу было почти невозможно уловить это движение. На кольчуге развалилась полоса прорубленных колец.

Биля и Кравченко оценили этот удар, но не подали вида.

Али подошел к Биле, взял шашку за клинок у рукояти, передал ее ему и заявил:

— Я прошу твоей дружбы.

Биля обернулся к жене.

— Оля, носи молоко.

В небольшую крынку с молоком упала серебряная монета. Али взял посудину огромной ладонью, выпил из нее половину и передал Биле. Тот допил молоко до конца, выложил на ладонь монету, бережно обтер ее о рукав и положил в карман.

Яков и Кравченко, стоявшие сейчас рядом с Билей, воспринимали происходящее по-разному. Яков — восторженно, а Кравченко — весьма и весьма скептически.

— Пусть не ржавеет наше братство, как это серебро! — произнес Биля слова кунацкой клятвы.

Али прошел в горницу, снял со стены свои вещи, вынес их во двор, передал хозяину дома бурку и заявил:

— Брат мой будет всегда доволен Али!

Уже сидя в седле, черкес бережно вложил в кобуру револьвер.

Пистолет, вынутый из нее, он протянул Якову и сказал:

— Возьми, юный воин.

Сын посмотрел на отца, тот кивнул.

Парень с радостью взял оружие и заявил:

— Нечем мне отдариться, дядя Али.

— Дядю нашел! — пробурчал Кравченко.

— Много еще возьмешь добычи, сможешь дарить! — с улыбкой проговорил черкес.

В открытые ворота на рысях въехал Чиж. К его коню был привязан второй, в узде, отделанной серебром, с дорогим оружием в седельных сумках.

— Здравствуйте, станичники! — сказал он, соскочил на землю, отвязал от луки своего седла повод второго коня. — Вот возьми, отдай отцу Маликат. Конь ничуть не хуже того. Оружие все цело. Пусть крови не ищет. Девке скажи, кланяюсь ей, — проговорил Чиж и передал повод Али.

— Хорошо, — сказал тот, обернулся и привязал повод к луке своего седла.

Закончив с этим, черкес выпрямился, поклонился еще раз Биле и Ольге.

— Да даст вам Аллах все то, чего вы ждете! Сын ваш да будет невредим!

Али было тронул коня, но Биля остановил его вопросом:

— А скажи нам, мил человек, с чего же ты так хорошо по-русски говоришь?

— Я, аталык, — ответил Али, дал повод коню и выехал со двора.

— Что он сказал? — спросил Яков.

— Он, аталык, — откликнулся Кравченко. — Такой обычай у них, детей до седьмого года в приемные семьи отдавать. Нашим тоже, казакам. Знать бы еще, к кому он попал.

— Может, и узнаем, — сказал Биля.

— Да ты этого кунака больше и не увидишь. Он револьвер схватил, и айда! По кому он теперь палить из него станет?

— Значит, и у его отца были кунаки среди наших.

Али степенно удалялся и тихо пел какую-то песню. В это время вдаль показался верховой, несущийся галопом. Черкес завидел его и тут же пустил коня рысью. Пластуны заметили этот маневр и переглянулись.

Биля приложил ладонь к глазам и посмотрел в сторону всадника, который летел к хутору.

— Это Петр Прасолов, — сказал он.

— Догнать басурманина? — спросил Кравченко.

Биля отрицательно покачал головой.

Через минуту всадник осадил коня на дворе у Били.

— Здорово дневали, станичники! Яков Григорьевич, война с туркой объявлена! Велено собираться всем.

Лицо Якова расцвело радостью.

— А ты что засиял? Обратнo в училище собирайся. Рано тебе воевать, — осадил его отец.

— Честь имею, побегу дальше! На Машкин хутор дорога-то как, просохла? — спросил Прасолов.

— Да, пройдешь.

Петр сорвался с места и выскочил за ворота.

— Была у меня думка новый цветник разбить. А сеять теперь как без меня будут? Это одно горе, а не сев, ежели без хозяйского глазу, — со вздохом проговорил Кравченко.

— Жениться тебе надо, Коля. По нашему делу без хозяйки нельзя. Все на ней.

— Знаешь ведь, Григорий, что мне жениться не можно, — сурово ответил Кравченко, отвернулся и пошел в сторону коновязи.

Чиж и Биля с сочувствием посмотрели ему вслед, а лицо Ольги дрогнуло от внутренней боли.

Биля ударил кулаком по столу так, что вздрогнул телескоп, стоявший на полке в шкафу.

— А я сказал в Екатеринодар, в училище!

— Воля ваша, батя, а только я оттуда утеку!

— Я с тебя шкуру спущу! Собирайся, чтоб завтра поутру я тебя тут не видел! Мать! Готовь этого Анику-воина! — крикнул Биля в открытую дверь.

— Утеку я!

— Слова отцовского слушаешься?!

— Нет такой власти, чтобы пластуно помешать встать за Россию!

— Врага бить теперь тоже с умом надо. Если хочешь истинно России послужить, то науки учи военные. Нынче все боевое дело переворачивается! Не последняя это

сшибка, на твой век будет. И хватит разговоры разговаривать!

На другой день Яков, снаряженный по-дорожному, понуро стоял около своего коня. Две большие седельные сумки были перекинута через его круп. Из чехла выглядывала винтовка. Парень был опоясан шашкой, за спиной у него в полотняном чехле находился пистолет, подаренный Али.

Ольга надела сыну на шею образок Евстафия Плакиды на витой серебряной цепочке. На ее глаза навернулись слезы.

— Полноте, мамаша. Не на войну я.

У своего коня, тоже снаряженного в долгий путь, стоял и Биля.

Он обнял жену и сказал:

— Будет тебе, мать. На тебя дом остается. Доля казачки такая, мужей, братьев да сынов с войны ждать.

— Разве только казачки? Она бабья, русская. Храни вас Христос! — ответила Ольга, перекрестила сначала мужа, потом сына и крепко поцеловала их в губы.

Биля и Яков давно уже ехали рядом по дороге, а она все стояла одна посреди двора.

У большой дорожной развилки всадники остановились.

— Здесь мне — направо, а тебе — налево, — сказал отец.

В ответ на это сын ничего не сказал.

— Ну и молчи, коли охота, — заявил Биля и направил коня направо по большой дороге.

Если бы Яков видел лицо отца и вообще был бы способен понимать его чувства, то понял бы, что не так хотел бы тот проститься с ним.

4

Дувр, Англия

На небольшой лужайке среди розовых кустов скрещивались сабли. Девушка в юбке с высокой талией, в корсете, нагруднике и фехтовальной маске теснила джентльмена, державшегося напротив нее. На дорожке среди роз показалась мать Генри Ньюкомба. Это была высокая, рыхлая женщина с лицом, покрытым глубокими морщинами, но еще сохранявшим следы былой привлекательности.

Девушка сделала мастерский выпад, и кончик ее сабли ударил джентльмена в грудь.

— Туше! — торжествующе прокричала она и сдернула маску.

Это была Кэтрин.

Ее противник тоже снял маску, под которой скрывались длинные седые висячие усы. Это был мистер Крэш, учитель фехтования и преданный камердинер мисс Кортни.

Кэтрин увидела гостью и весело заговорила с ней:

— Здравствуйте, миссис Ньюкомб! Очень рада вас видеть! Подождите, пожалуйста, меня в гостиной, я сейчас! Мистер Крэш, кажется, я победила!

— Скоро мне будет нечему учить вас, мисс Кортни! Вы хоть сейчас можете отправляться в Крым, — склонив голову, с улыбкой ответил ей Крэш.

— Нет. Я туда не собираюсь!

В амбразуре окна заливались в клетке канарейки.

Миссис Ньюкомб сидела за столиком рядом с камином и рассматривала иллюстрированные издания. На рисунке, помещенном в одном из них, brave британские солдаты в красных мундирах штыками загоняли в тайгу толстого

медведя с короной на голове. На другой картинке кровожадные русские варвары целились в доблестных английских моряков, подплывающих к берегу с белым флагом.

В гостиную вошла Кэтрин, взяла с подоконника птичий корм и бросила его в клетку.

— Эти русские — настоящие дикари! — возмущенно проговорила миссис Ньюкомб. — Стрелять в парламен-тера, это ни на что не похоже! Кстати, где находится эта Одесса? Эти московиты совсем потеряли совесть. Впрочем, ее никогда у них и не было! Разве можно сравнить русских дикарей и этих удивительных, симпатичных ту-рок с их богатой и древней культурой!

— Миссис Ньюкомб, эта война нужна нам. Газетчи-ки хорошо делают свое дело. Однако по поводу турок я, пожалуй, не в таком восторге. Мне не нравятся гаремы.

— Мисс Кортни, разве можно в приличном обществе произносить такие слова? Хорошо, что мы с вами одни!

— Однако это явление существует. Что же здесь сде-лают слова?

— Я уже ничего не понимаю. Генри мне пишет что-то про какие-то ракеты, уверяет меня в том, что мы ско-ро разбогатеем. Он что-то нашел на этом своем ужасном Кавказе.

— Да, тоже невольничьи деньги.

— Ах, я была бы рада уже любим! — понизив го-лос, быстро проговорила миссис Ньюкомб. — Того, что присылает мне Генри, совершенно недостаточно! Я уже должна зеленщику, просто не представляю, как мне быть. Если бы Генри знал, что я вам это говорю, то он никогда не простил бы меня. Но что же делать. Мы очень высокого рода и слишком бедны для того, чтобы дешево занять деньги. Идти к ростовщикам невозможно!

Кэтрин подошла к секретеру, открыла его, взяла небольшой сафьяновый кошелек, села рядом с миссис Ньюкомб и вложила его ей в руку.

— Вот, возьмите пока! — сказала девушка. — Скоро Генри вернется с победой. Эта война принесет ему заслуженную славу! Я уверена в нем!

— Ах, спасибо вам! Скорей бы он вернулся! Мы сыграли бы славную свадьбу!

Кэтрин мечтательно посмотрела в окно.

В это время миссис Ньюкомб быстро приоткрыла кошелек, и в нем блеснули желтым золотые соверены.

Правое крыло Кавказской линии, Кубань

Биля, Чиж, Вернигора и Кравченко ехали верхами по большой дороге в сторону Екатеринодара. Солнце, нещадно палившее весь день, уже стало красным и заметно клонилось к Западу.

Кравченко достал из кармана большой красный платок, отер лоб и задумчиво проговорил:

— Не повечерять ли нам? А завтра и въедем в город, да?

— Куда как лучше на свежем-то воздухе заночевать, чем в душной каморе с клопами, — подхватил Чиж эту тему.

— Что ж, дело хорошее. С версту еще проедем, там балочка хорошая будет, — отозвался Биля.

— Гляди, вон всадник впереди стоит. Никак нас дожидается, — сказал Кравченко, который первым выехал из-за поворота дороги.

Чиж посмотрел туда, куда тот указывал плетью.

— Да это черкес давешний! — с удивлением произнес он.

У дороги стоял Али. Как и пластуны, он был снаряжен по-походному. За седлом чернели кожаные дорожные сумки.

Черкес тронул лошадь и подъехал к пластунам.

— Здравствуй, кунак! — сказал ему Биля.

— Салам, брат мой! Да продлятся твои дни на земле.

Как твоё здоровье?

— Здоров. Ты лучше скажи, Али, куда это ты собрался?

— С тобой.

— В полк, что ли, хочешь поступить? Это не у вас за Кубанью, мы регулярные!

— Хочу биться с тобой рядом.

При этих словах Кравченко даже присвистнул и буркнул:

— Ну и дела!

— Смотрите вперед, братья! — бросил Чиж.

У дороги стоял еще один всадник. Это был Яков. Увидев своих, он спешился, встал на колени и положил перед собой плеть.

За спиной Били Вернигора расплылся в широкой улыбке, но есаул помрачнел, даже не взглянул на сына, проехал мимо него. Все остальные хоть и поглядывали на Билю вопросительно, но не решались вмешаться в семейные дела.

Яков так и остался стоять на коленях в пыли. Всадники неумолимо удалялись от него. Ему казалось, что они вот-вот въедут в огромное красное солнце. Пять черных силуэтов резко обрисовывались в его косых лучах.

Биля вдруг обернулся и позвал:

— Омелька!

Когда Вернигора поравнялся с ним, тот кивнул ему в сторону Якова.

Вернигора, с трудом сдерживая радость, развернул коня и послал его в галоп.

Через пару минут сын ехал за спиной у отца, все так же хранившего молчание. Пластуны и Али начали придерживать своих коней, чтобы дать им поговорить, и потихоньку отстали. Биля и Яков оказались теперь впереди, сажень в десяти от них.

Отчаянно зазвенел колокольчик, и в клубах пыли показалась тележка фельдгегера. Она словно летела над землей, увлекаемая тройкой не очень казистых, но крепких казенных лошадей. Ямщик стоял на узком облучке, крепко держал вожжи и смотрел прямо перед собой безумным застывшим взглядом. Пластуны приняли вправо. У фельдгегерей, проводивших годы своей жизни в неистовой скачке с государственными документами, на дорогах Российской империи были особые права. Тележка унеслась, поднимая в красных лучах солнца клубы пыли.

Когда она осела, Биля, не глядя в сторону Якова, заявил:

— Матери сам напишешь.

Яков расцвел счастливой улыбкой.

Биля скосил глаз, поднял бровь, заметил сияющее лицо сына, повернул к нему голову и резко проговорил:

— Смотри у меня! Слушать всех бывалых казаков, как Господа Бога, никуда не лезть!

— Да я!.. Батя, спасибо!

Радостный Вернигора, с особым вниманием следивший за этим разговором, поравнялся с Яковым и от удовольствия ткнул его в бок рукоятью нагайки.

— Цыц у меня! — бросил Биля, но и в его голосе звучала сдержанная радость.

Пластуны выровнялись и снова поехали вместе. На лицах казаков читалось общее облегчение. Только Кравченко иногда мрачно поглядывал в сторону Али.

Солнце уже до половины опустилось за горизонт. Его низкие лучи рассылали по земле чернильные тени от кустов и деревьев.

— А вот и балочка наша, — весело сказал Чиж. — По-вечерям сейчас! Брюхо с голодухи подвело у меня.

5

Севастополь, Крым

Улица, обстроенная с обеих сторон белыми украинскими хатами, уходила вниз, к морю. В одном из этих домов уже вторую неделю располагались на постое пластуны.

Защитники Севастополя пока верили в неприступность города для вражеского десанта. По офицерским квартирам и кораблям, светским салонам и купеческим домам повторялись как заклинание слова какого-то стратега, сказанные три десятка лет назад: «Десант во многих силах невозможен!» От многочисленных повторений эта фраза приобрела характер незыблемой истины, которая, как и все подобные мысли, давно уже была глупым предрассудком. Многие думали, что исход войны по-прежнему будут решать паруса и клинки, а сцепиться готовились паровые машины и нарезные стволы. Кое-кто знал это, но уже совсем немногие понимали, что это будет первая схватка экономик и коммуникаций.

Пластуны занимали единственную комнату небольшой хаты. По стенам было развешено оружие, в ряд стояли походные кровати.

За большим столом около медной гальванической батареи восседал Кравченко и что-то неторопливо ладил в ней. Провода от нее, точно такие же, как и у Ньюкомба, тянулись по столу. На его противоположном конце они уходили в небольшую деревянную коробочку.

В глазу у Кравченко поблескивал монокль с хорошим увеличительным стеклом, каким пользовались часовщики и ювелиры. Казак перегнулся через стол и насыпал в коробочку порох.

В хату вошел Биля, перекрестился на иконы, расположенные в красном углу, тяжело вздохнул, присел к столу и сказал:

— Здорово дневал, Николай!

— Здравствуй! Как съездили, Григорий Яковлевич?

— Слава богу, благополучно.

— Нового-то не слышать чего?

— Не поймешь, для чего нас и собирали. Говорильня одна, — ответил Биля. — Вон Кухаренко и не поехал, больным сказался, может, и вправду занемог. С этим постоем мы только разбалуемся. Не знаешь, где все наши делись?

— Постой — это самое баловство, известное дело. Яшка с Омелькой с подъема встали и дальше пошли куда-то дрыхнуть. Как они спелись, это дюже удивительно! Днем они палят. Омелька обучает его, значит, а твой по цифири пытается разобраться, отчего пулю штуцерную всегда на правую руку сносит. По вечерам на Северную сторону повадились. Какие-то там у них срамные девчата. Опять же вишня поспела.

— Я им наложу пониже спины! Ишь ты, вишня у них поспела! А ты куда глядишь?

— А я им что, разве сторож? Они уползают из хаты прямо как ужи! А утром на своих местах почивают.

— А остальные у нас где?

— Чиж по базару лазает, глядит, где что плохо лежит. Вон скрипку себе делает. А где твой басурман, и не знаю. Нехристь этот поганый!

— Коля, зря ты так, — чуть помолчав, сказал Биля. — Али — мужик правильный. Нам дюже полезен будет. Воин он самый стоящий. А что было, то было.

— Было, говоришь? У меня это вот так перед глазами. Как они сынка моего да Галю...

— Ладно, Коля. Это у тебя что за штука? — спросил Биля, показав на провода.

— Это вот я пробую гальванизмом порох зажечь. Интересное дело. Куда твой фитиль! Его то намочит, то ветром разгонит, если селитры переложить, в пыль за секунд стгорит. Да и какой он длины? Шагов двадцать, это самое большее. А тут искру можно хоть на версту бросить, причем именно тогда, когда она нужна тебе! Тюк вот так сверху пальчиком. — Кравченко показал на контакты проводов, досыпал пороха в коробочку и заявил: — Сейчас испробуем это дело.

— Где ты взял такую штуковину?

— Чиж для меня у матросов стянул. Из Питера ее прислали, чтоб мины гальванизмом взрывать. Беда в том, что пороха для них нет, и корпуса быстро сделать нельзя. А так по минному делу у нас фитили уже лет десять не палят, один гальванизм.

— Ну вы даете! Такие дела Федора до Сибири доведут! Не у черкесов же вы!

— Матросам без надобности, а нам пригодится, — философски заметил Кравченко, вынул из глаза монокль, поднял палец, подвинул провода один к другому и замкнул их.